

Иванов Анд. А.

КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ И ДУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПАРЦИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Иванов Анд. А.

And. A. Ivanov

**КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ И ДУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ
ПАРЦИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ**

**KOMSOMOLSK-ON-AMUR AND THE DUAL MODEL
OF PARTIAL MODERNIZATION**

Иванов Андрей Анатольевич – кандидат культурологии, доцент кафедры строительства и архитектуры Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681035, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, 85/7 – 138; 27-93-06. E-mail: larsandr@mail.ru.

Mr. Andrei A. Ivanov – PhD in Cultural Studies, Assistant Professor at the Department of Civil Engineering and Architecture, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681035, Komsomolsk-on-Amur, 85/7-138, Lenin St.; tel.: 27-93-06. Email: larsandr@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются идеологические и социокультурные основания строительства г. Комсомольска-на-Амуре в контексте модели парциальной модернизации. Анализируется взаимодействие и антагонизм символического образа «нового города» и повседневной реальности первостроителей.

Summary. The paper deals with ideological and social&cultural grounds for the construction of Komsomolsk-on-Amur in the context of the partial modernization model. The interplay and antagonism between the symbol of a "new city" and the everyday life realities of its founders and builders are analyzed.

Ключевые слова: модернизация, новый город, социалистический реализм, мобилизация.

Key words: modernization, new city, social realism, mobilization.

УДК 008(091)

Модернизация, согласно Р. Уорду, – это «систематическое», непрерывное, целевое применение человеческой энергии для «рационального» контроля над природным и социальным окружением человека [цит. по 7, 54]. Известны два основных варианта модернизационных процессов в обществе. Первый (исторически первый) возникает в странах Западной Европы в XVI-XVIII вв. и представляет собой дифференциацию социальных институтов, приобретающих структурную автономность (институты экономики и производства, политического представительства, образования). Этот процесс основывается на освобождении индивидов от власти тотальной традиции, субъективации и рационализации систем социального действия, подразумевающих осознание и целерациональное достижение индивидом личных интересов.

Другой вариант – «парциальная модернизация» – обусловлена не внутренними причинами «расколдовывания» и «индивидуализации» общества, а воздействием экзогенных факторов – влиянием и престижем европейских государств. Здесь внешняя, технологическая модернизация (индустриализация производства, развитие бюрократической системы) сочетается с традиционными, холистскими системами социального действия, предполагающими жесткое подчинение индивида «целому», ориентированными не на автономные субъективные основания, но на тотальные, предельно общие инстанции. А.Г. Вишневский характеризует данный тип общественных изменений как «действительно революционную «инструментальную» модернизацию с консервированием многих основополагающих традиционных институтов и ценностей и опорой на них» [2, 36].

Именно данная модель «консервативной модернизации», характеризующаяся дуализмом социальных процессов, стала реализовываться в СССР в 30-х гг. XX в. Ускоренная индустриализация аграрной страны, обусловленная как объективной необходимостью, так и стремлением продемонстрировать остальному миру преимущества социалистического строя, осуществлялась посредством тотальной мобилизации всех имеющихся ресурсов (людских, административных, репрессивных, идеологических) с соответствующей установкой: «любой ценой».

Торжество государственного строя выстраивалось на подавлении личностного начала, на жертвенной готовности отказаться от своих прав и подчинить себя жесткой дисциплине. Величие цели и жестокость средств оказались неразрывно спаянными, при этом была создана такая установка общественного сознания, в которой первое неизменно перевешивает и оправдывает второе, становящееся неким пограничным и неизбежным фоном. Показателем этого служит отношение к сталинским репрессиям. Правозащитник Э. Орловский отрицает утверждения, будто до XX съезда КПСС большинство советских людей ничего о них не знало: «Почти все (даже дети) знали почти всё – без подробностей, в общих чертах, но знали. А если очень хотели, то могли узнать и немало подробностей. Другое дело, что эти знания были как бы на периферии сознания и странным образом сочетались у многих с сакрализацией Сталина и (или) партии» [6, 182].

Установка общественного сознания на будущее, оправдывающая все тяготы настоящего, была четко сформулирована и транслировалась в теории социалистического реализма – правдивого и исторически конкретного отображения действительности в ее революционном развитии. Соцреализм как господствовавший стиль, призванный формировать мировоззрение советского человека, учил видеть в страшном настоящем ростки прекрасного будущего: не реальность барака, но Дворец ВДНХ; не насилие, но необходимые жертвы в основание нового мира; не разрушительный промысел Мефистофеля, но строительный замысел Фауста.

Советская реальность помещалась в соцреалистическом гипертексте официальной культуры; все, что в него не входило, оказывалось *ineffabile* – невыразимым, несказуемым. Немецкому архитектору Р. Вольтерсу, работавшему в 1931-1932 гг. в Новосибирске, рекомендовали: «Вы должны читать газеты. То, что вы видите своими глазами, создает у вас неправильное представление о нашей системе» [5, 123]. Поэтому не было большой необходимости особенно скрывать информацию о репрессиях (по крайней мере, внутри страны), достаточно изменить восприятие посредством идеологической иллюзии – применить своего рода галлюциноген. Э. Орловский пишет: «Мне представляется даже, что власти заинтересованы были скорее не в сокрытии информации, а в том, чтобы каждый, зная многое, мог делать вид (и перед другими, и перед собой), что он как бы ничего не знает» [6, 183]. Эта микрия возможна, когда пространство культуры заполняет соцреалистический текст, создающий иллюзорную фигуру Нового социалистического человека, чей образ так легко оправдывает повседневную реальность. С. Жижек назвал его Большим Другим, «на фоне которого они (партийные чиновники – А.И.) могли участвовать в жестокой борьбе за власть: Другой, на которого они переносили свою веру, Другой, который верил вместо них...» [3, 57].

Строительство новых социалистических городов, таких, как Комсомольск-на-Амуре, – одно из показательных направлений советской политики консервативной модернизации. Основанный в 1932 г. для решения экономических и военных задач советского государства Комсомольск-на-Амуре, кроме того, должен был стать символом его демиургической мощи, способности воздвигать новые заводы и города на (почти) пустом месте.

А. Бадью в качестве ключевой черты XX столетия назвал «страсть Реального»: переживание подлинного бытия, полного исключительной жестокости, в противоположность обманчивости повседневной социальной реальности [1]. Можно сказать, что у первостроителей Комсомольска эта страсть была удовлетворена сполна. Общим местом в истории города стало упоминание о тяжелейших условиях, в которых они трудились. В отчете комиссии Народного Комиссариата тяжелой промышленности от августа 1932 г. читаем: «Рабочие находятся в тяжелых бытовых условиях, живут в шалашах. Сидят на голых нарах, спецодеж-

ды не имеют. Первые два месяца почти не было инструментов. Питание рабочих однообразно, преимущественно соленой рыбой и кетой. Витамины отсутствуют. Имеются случаи цинги» [4, 35]. С первого же года строительства распространилось «обратничество» – бегство из города комсомольцев. Из выступления на пленуме Далькрайкома ВКП(б) П.Л. Листовского: «В начале 1933 года мы имели толпы комсомольцев, удиравших с площадки и просящих перебросить куда угодно» [4, 39]. Многие из дезертиров бежали в тайгу, где и умирали.

С 1933 по 1955 гг. при строительстве городских объектов широко использовался труд заключенных Дальлага. Эта сторона истории Комсомольска подробно освещена в книге М.А. Кузьминой «Комсомольск-на-Амуре: легенды, мифы и реальность» [4]. Из приведенных в ней множества свидетельств и документов процитируем лишь два фрагмента из воспоминаний первостроителей. Ф. Болтов: «В те далекие годы моей юности я любил подниматься на вершину сопки на правом берегу Амуре и смотреть на город. Сразу бросались в глаза вышки с охранниками да заборы вокруг зон» [4, 194]. Н. Воробьев: «Видел и другое – концлагеря. Да и как их не видеть, если на работу шел нередко вдоль глухого забора, сокращая путь... И, бывало, с вышки какой-нибудь чересчур бдительный часовой давал очередь в воздух, заставляя падать на землю, в грязь. Лежи и жди, пока придут и проверят, не заключенный ли какой из-под стражи сбежал» [4, 191]. Ожидание, лежа в грязи, и есть тот непосредственный опыт Реального, которым оплачивалось воплощение утопии и очищение от обманчивых слоев реальности.

Фундаментальный парадокс «страсти Реального», по словам А. Бадью, заключается в том, что она «всегда сопровождается буйным разрастанием видимости» [1, 82], достигает своей высшей точки в театральном зрелище. Строительство Комсомольска и стало театральным зрелищем в советской пропаганде: «на краю земли», в суровых условиях глухой тайги советская молодежь героически строит социалистический рай. Все ее лишения и тяготы – несомненное доказательство правильности и величия происходящего. Вместо города-завода (или города-лагеря), если верить историческим описаниям, перед глазами строителей стоял образ города героизма, города будущего, города-сада. «В ментальности городского жителя, – по утверждению В.Н. Савенковой, – происходило объединение, слияние двух градов – реального и идеального, мифического. В мифе между двумя градами не существовало непреодолимых границ: они были едины» [9, 54]. Иными словами, реальность замещалась волнующим образом Реального: в пространстве города житель должен видеть «следы» героического прошлого и предвестия героически достигаемого будущего.

С принятием названия города (по просьбе строителей-комсомольцев) закрепляется миф о том, что город строили исключительно комсомольцы с путевками ЦК, военные строители и хетагуровки. Остальные категории строителей (вольнонаемные и вербованные, заключенные, рабочие колонны, стройбат, японские военнопленные) в славную историю строительства не вошли. Когда во время перестройки зазвучали голоса о роли заключенных в истории Комсомольска, многими писателями и журналистами это было воспринято как попытка умалить подвиг комсомольцев. В рамках утвержденного образа города чрезвычайный опыт Реального и строительной жертвы – достояние исключительно комсомола. Присвоение этого опыта другими группами воспринимается как борьба за монополию.

Значительную роль в мифологизации Комсомольска сыграла литература, занимавшая особое место в советской иерархии искусств. После приезда в город и на его «материале» В. Кетлинская создает в 1938 г. роман «Мужество», где представляет образы героев-комсомольцев, обретающих нравственную и идейную стойкость в процессе коллективного строительства города в глухой тайге. Писатель В. Ажаев оказался на Дальнем Востоке в качестве заключенного – осужден по 58-й статье, прошел путь от простого зека до начальника контрольной инспекции Управления лагерей. За свой роман «Далеко от Москвы», вышедший в «Новом мире», в 1949 г. писатель получил Сталинскую премию. Роман повествует о строителях нефтепровода недалеко от Комсомольска во время Великой Отечественной, только все реальные топонимы заменены в нем на вымышленные: Адун – это Амур, остров Тайсин – Сахалин, Рубежанск – Хабаровск, Новинск – Комсомольск. По тематике это образцовый

производственный роман про «трех богатырей»: три руководителя стройки решают почти невыполнимую задачу: построить нефтепровод силами комсомольцев не в три, а за один год, причем строить зимой. В 1995 г. американский исследователь творчества Ажаева Т. Лахусен, краеведы М.А. Кузьмина и В.И. Ремизовский совершили экспедицию по местам, описанным в романе, встретились со строителями нефтепровода. Последними роман единодушно был оценен как «вранье!»: «Техники практически не было никакой, все делалось руками заключенных, погибло коих на строительстве нефтепровода немало» [8, 192]. А комсомольцы – этот «Большой Другой» Нового города – были только среди конвоиров. Показательно, как автор – бывший зек и непосредственный участник строительства – на фундаменте пережитого лично опыта выстроил тотальный идеологический фантазм, руководствуясь требованиями высшей, государственной точки зрения (перед публикацией в «Новом мире» роман был значительно переработан под руководством Константина Симонова).

В 2002 г. на аллее, ведущей от набережной к Драмтеатру, был установлен памятник военным строителям работы скульптора С.В. Николина. Фигура красноармейца на лыжах представляет участника легендарного ледового перехода по замерзшему Амуру из Хабаровска в село Пермское (будущий Комсомольск) зимой 1933-1934 гг. Как показывают исследования историков-краеведов Б.П. Фомина, М.А. Кузьминой, переход батальонов ОВСК (Особого военно-строительного корпуса), во-первых, не был первым, «беспримечным» опытом зимней навигации по Амуру, во-вторых, был тщательно подготовлен и обеспечен теплым обмундированием, солидным пайком, медицинским персоналом, санями с лошадьми, а также заранее проложенной силами заключенных ледовой дорогой [4]. Легендой города, теперь запечатленной в медной скульптуре, снова стало театральное зрелище, инсценирующее торжество тверди над водой, порядка над стихией, символа над вещью.

Итак, «новый город» на Амуре, в основании которого лежат дуальные процессы консервативной модернизации, воспроизводит в своем культурном ландшафте, в «жизненном мире» и общественном сознании горожан дуализм Реального и Воображаемого. Трудовой энтузиазм и принуждение к труду, город-сад и город-лагерь, архитектурный фасад и интерьер квартир – эти вещи неразрывно связаны, служат необходимым фоном друг для друга, но отношение между ними основано на «разрыве», на невозможности их интеграции, их единство построено на антагонизме. Может быть, поэтому сфера культуры в городе и сегодня воспринимается больше как некий фасад, «объективная иллюзия», дающая возможность горожанам время от времени идентифицироваться с коллективным «мы», но никак не связанная с опытом их повседневной жизни, не способная дать индивидам образцы автономного самоопределения и интеграции разрозненных социальных практик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бадью, А. Единица делится надвое / А. Бадью // Синий диван. – 2004. – № 5. – С. 74-82.
2. Вишневецкий, А. Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР / А. Г. Вишневецкий. – М.: ОГИ, 1998. – 432 с.
3. Жижек, С. Добро пожаловать в пустыню Реального / С. Жижек. – М.: Фонд «Прагматика культуры», 2002. – 160 с.
4. Кузьмина, М. А. Комсомольск-на-Амуре: легенды, мифы и реальность / М. А. Кузьмина. – Комсомольск-на-Амуре: Жук, 2002. – 430 с.
5. Меерович, М. Американские и немецкие архитекторы в борьбе за советскую индустриализацию / М. Меерович, Д. Хмельницкий // Вестник Евразии. – 2006. – № 1. – С. 115-125.
6. Орловский, Э. С. Мой путь в диссиденты / Э. С. Орловский // Нева. – 2002. – № 6. – С. 166-187.
7. Побережников, И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации / И. В. Побережников. – М.: РОССПЭН, 2006. – 240 с.
8. Ремизовский, В. И. Василий Ажаев и его роман «Далеко от Москвы» / В.И. Ремизовский // Комсомольская-на-Амуре лит. энцикл.; под ред. С.И. Вишняковой. Т. 1. – Комсомольск-на-Амуре, 2008. – С. 188-194.
9. Савенкова, В. Н. Город Комсомольск-на-Амуре как «город-сад» / В. Н. Савенкова // Гуманитарные науки и современность: мат. регион. науч.-практ. конф. – Комсомольск-на-Амуре: ГОУВПО «КНАГТУ», 2003. – С. 52-54.